

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.22363/2313-2302-2018-22-1-107-115

СПЕЦИФИКА ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТА В РЕЦЕПТИВНОЙ ЭСТЕТИКЕ И ЛИТЕРАТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ В. ИЗЕРА

М.В. Морозова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, д. 20, Москва, Россия, 101000

Внимание в исследовании обращено к литературной антропологии В. Изера, созданной им на основе рецептивной эстетики. В статью включены перспектива исторического и теоретического формирования теории Изера, а также актуальный взгляд на нее, связанный с «антропологическим поворотом» гуманитарного знания. Демонстрируется философский потенциал концепции Изера, его внимание к проблеме определения сущностных черт человека. Акцентируется проблема субъективного опыта, ключевые особенности которого могут быть выявлены благодаря исследованию процесса чтения художественной литературы. Изер определяет свой подход к исследованию литературы как функциональный, рассматривая ее как медиум, для которого характерен вымысел в коммуникативных взаимоотношениях между текстом, реальностью и читателем. Чтение понимается как опыт смыслового конструирования, т.е. подчеркнута активная роль реципиента. В фокусе оказываются трансформации субъективности, вовлеченной в чтение с помощью воображения. В процессе осмысления литературного произведения явным становится собственное присутствие, выявляя трансцендентальную позицию, однако оно оказывается связанным с сущностной неопределенностью человека, так как отсылает к постоянной изменчивости субъективных установок. Литература исследуется как медиум такой антропологической черты, как собственная недостижимость субъекта.

Ключевые слова: рецептивная эстетика, литературная антропология, художественная литература, воображение, субъект

Сочинения Вольфганга Изера (1926—2007) рассматриваются, как правило, в контексте эстетики, литературоведения, филологии. Изер является ключевой фигурой для развития подхода рецептивной эстетики (1), его работы насыщены примерами изучения конкретных литературных произведений. Впрочем, стоит говорить и о философском потенциале его исследований, что наиболее явно проявляется в литературной антропологии, созданной Изером на основе разработанной эстетической теории. В частности, интерес представляет концепция того, как функционирует опыт субъекта в процессе чтения художественного произведения, и какую роль играет этот опыт при определении субъекта, человека как такового.

Творчество Изера определено контекстом становления в Германии 1960—1970-х годов констанцской школы, исследовательский поход которой прямо от-

сылает к рецептивной эстетике Романа Ингардена (2), а проблематика центрируется вокруг литературоведения. Рецептивную эстетику принято рассматривать в качестве специализированного — применительно к искусству — продолжения феноменологического и герменевтического направлений мысли [1; 2. С. 140—41], не находя, однако, самостоятельного развития философских концепций. Но возможно, не стоит недооценивать направление, которое после основания в 1966 году Констанцкого университета «в последующие два десятилетия приобрело всемирную известность, заняв среди немецкого интеллектуального экспорта в гуманитарных науках второе место после так называемой „франкфуртской школы“» (3) [3].

В пользу дисциплинарной незамкнутости концепции Изера свидетельствует его участие в проекте «Поэтика и герменевтика», организованного с целью осмыслить целостно важнейшие категории гуманитарного знания (4). Кроме того, характер проекта был обусловлен потребностью изучить современные культурные тенденции, и в качестве медиума для их представления в фокусе находился взгляд на современную эстетическую ситуацию (*die ästhetische Moderne*) [4]. Сооснователями проекта являются Изер, Х.-Р. Яусс, Х. Блуменберг, а среди участников были такие философы, как Х.-Г. Гадамер, Ю. Хабермас, О. Марквард, М. Франк, Р. Козеллек.

Термины «функционирует» и «процесс» при описании теории Изера в начале статьи появляются неслучайно. Во-первых, на протяжении всего своего творчества Изер подчеркивал, что развивает функциональный подход к литературе. Непродуктивным признается стремление понять «литературное» само по себе, онтологически, пытаясь определить его статус по шкале реальности или в противопоставлении ей. Литературу как явление определяет ее функциональность, вовлеченность в историко-культурный и личный опыт, что дает повод для исследования коммуникативных взаимоотношений между текстом и реальностью, текстом и читателем [5. S. 87—88].

Во-вторых, работа по интерпретации текста не приравнивается к поиску заложенного в нем смысла, потому что смысл существует всегда в контексте прочтения, актуализации, обусловленной рядом особенностей как самого текста, так и его восприятия. Текст сам по себе еще не является литературным произведением, но становится им благодаря встрече с воображением реципиента, в процессе чтения [6. С. 201—202]. Задачей становится изучить, как именно происходит конституирование смысла (*Sinnkonstitution*) [5. S. 36].

Отталкиваясь от широкой трактовки литературоведческих проблем, Изер приходит к философскому осмыслению опыта чтения, предлагая исследовательский фокус литературной антропологии. В ее основе лежит вопрос о том, почему люди в культурной ситуации всегда нуждаются в таком представлении мира с помощью литературы, которое включает в себя не только своеобразное отражение присутствующего, но и вымысел. Если литература связана с проявлением определенных антропологических потребностей, то «что именно этот медиум открывает нам относительно нашего собственного человеческого устройства (*anthropological makeup*)?» (5) [7. P. 264].

Желая разобраться в сущности литературного опыта, Изер центрирует свою теорию вокруг проблемы — восходящей к аристотелевской традиции — челове-

ческих способностей, таких как разум, воображение, восприятие. Точнее, он хочет изменить представление об их четком разграничении, исследовать их взаимосвязи и смешения [7. P. 280].

Литературная антропология Изера оказывается актуальной при попытке зафиксировать «Антропологический поворот» (6), некий парадигмальный сдвиг во второй половине XX века, требующий обратить внимание на человека как действующее лицо в культурных реалиях. Стремлением узаконить эту тенденцию, выйти за пределы исследований в структурализме и постструктурализме, а также сделать акцент на роли литературного вымысла обусловлены проведенная в 1996 году в Констанцском университете конференция «The Anthropological Turn in Literary Studies» и последовавший сборник материалов [8. Introduction].

И хотя поворот фиксируется прежде всего в литературоведении (7), стоит учитывать его широкое влияние. Например, в германской академической практике оно связано с тем, что с 1990-х поощрялось изучение антропологической тематики, однако поддержку получали крупные междисциплинарные проекты, вовлекающие во взаимодействие и гуманитарные, и социологические, и даже естественные науки [10].

Проблема антропологического поворота и, в частности, его актуальность в отечественных реалиях научного знания стала предметом развернутых дискуссий на страницах журнала «НЛЮ». Проблемное поле обсуждения обозначено желанием установить ориентиры для самоидентификации и дальнейшего развития гуманитарной сферы (8).

В ходе этих дискуссий упомянутый выше констанцкий сборник фигурирует как источник констатации и осмысления «антропологической» тенденции. При этом Х. Гюнтер замечает, что работы этого сборника не столько открывают теоретические перспективы, сколько представляет собой набор case studies. Поэтому, при выяснении общей навигации антропологического поворота, интерес вызывают скорее работы Изера, в которых он утверждает антропологическую перспективу. Однако возникает вопрос, как философский дискурс можно транслировать в литературоведческую практику [11].

По мнению Бориса Дубина, мыслители констанцской школы и в особенности Изер «применяли ходы философской антропологии к собственно литературе». Это обусловлено попыткой связать исследуемые в литературоведении категории воображения, фантазии с проблематикой человека как существа свободного, определенного своею «непредзананностью, несамотождественностью». Такую специфику можно рассматривать как часть масштабного — с конца XVIII века, от эпохи зрелого Просвещения и романтизма до современности — развития идеи о том, что воображение является ведущим принципом «самоорганизации субъективности», связывающего индивидуальный опыт с миром коллективных смыслов [12. С. 687—88, 691—92].

По мнению Гумбрехта, теорию Изера можно отнести к возобновлению антропологической традиции, созданной И. Кантом, и продолженной в том числе феноменологией Гуссерля. В рамках этой традиции целью становится дать описание «человеческого», определить уникальность присущей субъективности. При

этом ведущим является вопрос о том, способен ли человек адекватно воспринимать и описывать внешний мир («вещей самих по себе») [13; 14].

Однако в теории Изера присутствует оригинальный взгляд на философскую традицию, точнее — относительно ее вклада в постановку конкретных проблем. Например, он объединяет подходы Юма, Канта, Витгенштейна и Сартра по принципу того, что в них можно увидеть обоснование функциональности воображения. Так, для Юма, Канта и Витгенштейна всякое восприятие происходит не без участия воображения. Не будучи голой фиксацией факта или, напротив, чистым вымыслом, восприятие требует связи текущего и уже опосредованного впечатления для непрерывности и идентичности воспринимаемого объекта, что и обеспечивается воображением. Для Сартра воображение — это идеационная деятельность, по сути управляемая самим сознанием, что проявляется даже в (лишенном интенциональности) сне. Демонстрируется, что в различных концепциях воображение не представляет собой изолированную способность, но функционирует в сочетании с другими (9). «Очевидно, что воображаемое невозможно рассматривать в качестве *materia prima*, из которой просто нужно исходить. Напротив, воображаемое существует только в комбинациях: со взглядом, с сознанием, то есть в тех формах, в которых мы и осуществляем контакт с миром» (10) [7. С. 273—74].

Рассмотрим теперь, каким образом определяется субъект, вовлеченный в литературный опыт благодаря воображению. Но сначала придется выяснить, во что именно он вовлечен.

Литература, на первый взгляд, не есть набор истинных суждений в том плане, что она является вымыслом, а не непосредственным описанием реальности. Но правомерно ли называть литературное (*fiction*) ложным? Определяя отношения между реальностью и литературой, Изер употребляет термин «переступить» (*overstep*). Сознание особым образом дублирует реальность, удваивает ее за счет вымышленного, однако в определенной точке ложь и литература принципиально расходятся. Ложь призвана нечто скрыть, а литературный вымысел, напротив, способствует лучшему пониманию реальности. Кроме того, литературный вымысел собственными средствами выражения указывает на свою природу [15. Р. 940—42].

Изер сравнивает потенциал художественного произведения с описанным Рикёром (в работе «*Freud and Philosophy: An Essay on Interpretation*») механизмом двойного смысла, определяющим сновидения. Литературное обусловлено символической природой, в нем проявляется баланс между сокрытием и представлением одних смыслов за другими, маскировкой и раскрытием. Однако в отличие от сна литература не пленяет субъекта, но вовлекает в свободную игру [15. Р. 943—46].

Прежде всего, перед читателем стоит задача осмысленно связать все предложения, фрагменты текста в единое осмысленное повествование, наделяя его «действительностью». В основу своей теории Изер кладет заимствованное у Ингардена понятие пробелов (11), наличие которых приглашает реципиента к сотворчеству, свободному выбору среди потенциальных стратегий их заполнения. Последовательная актуализация произведения основана на процессах антиципации и ретроспекции, потому что текст познается во временной последовательности [6. С. 207—10].

Важно понимать, что процесс чтения не является просто наложением собственных убеждений. «По мере того, как идет выработка последовательности текста, мы постоянно обнаруживаем, что нашей интерпретации „угрожают“ другие возможные интерпретации, что ведет к возникновению новых областей неопределенности (хотя мы можем и не отдавать себе в этом отчета). Например, иногда по мере чтения романа мы понимаем, что персонажи, события и фон переменили значение; на самом деле в этот момент мы яснее осознаем возможности иных интерпретаций. ...Так как уровни интерпретации, переходы между ними, поиски равновесия ведет читатель, читатель же и сообщает тексту то динамическое жизнеподобие, которое, в свою очередь, позволяет ему усвоить чужой опыт как часть собственной жизни» [6. С. 217]. Процесс чтения связан с формированием иллюзий и их опровержением, собственные идеи остаются в прошлом, а произведение становится событием, «настоящим», новым опытом. «Текст и читатель больше не противостоят друг другу как объект и субъект, но линия деления проходит теперь внутри самого читателя» [6. С. 223].

Изер связывает литературный вымысел со способностью к расширению человеческого за пределы себя. Отличительной чертой является не воспроизведение действительности или ее искажение, но стремление к недоступному, тому, что выходит за границы восприятия и познания. Так, некоторые модусы переживания и представления реальны для нас, однако мы не знаем, не можем определить их с точностью, хотя постоянно пытаемся облечь в (вымышленную) форму. Яркими примерами являются модусы любви и самоидентичности. Мы изобретаем их образы и объяснения, но все же не получаем исчерпывающего описания или определения [7. Р. 281—83; 15. Р. 950—51].

Как было показано, в художественном произведении демонстрируется подвижность субъективных установок. Мы не только моделируем и придаем действительность каким-либо мирам, это осуществляется и с нами, так как привычные установки опыта субъекта преобразуются.

Однако причиной и условием этой подвижности является то, что субъект в глубинном и устойчивом смысле никогда собой не обладает. Человек может до бесконечности изобретать — так как не знает наверняка — формы своей идентичности, но нельзя идентифицировать творческое начало с продуктами творчества. В процессе чтения, вовлечения в литературный вымысел возникает парадоксальная ситуация, в которой данность субъекта реализуется как его постоянная недостижимость. Присутствие субъекта оборачивается его отсутствием и наоборот [15. Р. 948—49].

Итак, развивая на основе рецептивной эстетики литературную антропологию, Изер исследует литературу как уникальный медиум культурной коммуникации, которому сопутствует особая модификация сознания. В ней реализуется принципиальная черта субъекта — собственная непостижимость, которую художественный вымысел превращает в процессуальную форму доступа к самому себе.

Теорию Изера можно проблематизировать на предмет диалога со многими философскими направлениями. Можно поставить вопрос о соотношении с направлением философской антропологии. Тема свободного выбора и моделирования

человеком самого себя перекликается с константами экзистенциальной философии. Особый интерес представляет влияние феноменологического и герменевтического направлений, что может послужить перспективой для дальнейших исследований.

© Морозова М.В., 2017

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Не стоит отождествлять в общем с так называемым направлением «reader-response theory/criticism», о котором обычно говорят как об эстетике воздействия (читательского отклика) в широком смысле, подразумевая множество концепций второй половины XX века, и включая, например, мощное и разностороннее литературоведческое течение среди американских исследователей (St. Fish, D. Bleich, N. Holland etc.). Фиш, например, оспаривал позицию Изера [Fish S. Why No One's Afraid of Wolfgang Iser. Review of the Act of Reading by Wolfgang Iser // *Diacritics*. 1981. № 11. p. 2—13].
- (2) [Ingarden R. *The Literary Work of Art* (1931); *The Cognition of the Literary Work of Art* (1937); *Sketches on the Philosophy of Literature* (1947); (Polish/German). В переводе на русский: Ингарден Р. Исследования по эстетике. Москва: Издательство иностранной литературы. 1962. С. 21—202]
- (3) Стоит оговориться о контексте высказывания (Гумбрехта): речь шла о Х.-Р. Яуссе как самом читаемом авторе в рамках рецептивной теории литературных исследований. Наравне с Изером он является идейным вдохновителем констанцурной школы, для которой его работа «История литературы как провокация литературоведения» считается программной [Literaturgeschichte als Provokation der Literaturwissenschaft. Konstanz, 1967. В переводе на русский: История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34—84]. К слову о философском контексте, Гумбрехт, рассказывая о германской академической среде второй половины XX века, прописывает свою интеллектуальную генеалогию в форме влияния друг на друга и непосредственно на него таких философов как Х.-Г. Гадамер, М. Хайдеггер, Э. Гуссерль, Х.-Р. Яусс, а Изера упоминает как коллегу и соперника последнего [3].
- (4) Междисциплинарный исследовательский проект, функционировавший на базе нескольких университетов в Германии и объединивший преимущественно немецких ученых-гуманитариев. В результате ряда семинаров, проведенных с 1963 по 1994 годы, были изданы 17 тематических сборников (1964—1998 гг.), в каждом из которых в центре внимания находились актуальные проблемы гуманитарного знания, один или несколько концептов, например: «Имитация и иллюзия», «Больше не прекрасное искусство: пограничные феномены эстетического», «Текст и его использование», «Комическое», «Идентичность» etc.
- (5) Сочинения Изера написаны на немецком и на английском языках, уточняющие термины в статье приведены на языке оригинала.
- (6) Не следует путать с оформившимся в 1910—1930-е годы направлением философской антропологии, ключевыми фигурами которой были М. Шелер, Х. Плеснер, А. Гелен.
- (7) С другой стороны, К. Вулф, например, описывает наблюдавшийся в Германии интерес к антропологии, предполагающий внимание к конкретике субъективного опыта, что в 1980—1990-е годы определило уклон исторических наук: развиваются такие дисциплины, как история повседневности, гендерные и феминистические исследования, история ментальности и т.д. [9. С. 59—60].
- (8) Для краткой справки можно посмотреть одну из статей, обобщающих материалы дискуссии [См., например: Брейнингер. Картографирование микро и макроизменений в современной славистике: Полемика вокруг «антропологического поворота» в «Новом литера-

турном обозрении» // НЛО, 2015, № 122. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/3759>, но стоит учитывать, что почти все статьи, в том числе обзорные, носят полемический характер.

- (9) Изер настаивает, несмотря на продуктивную значимость некоторых подходов, что воображение именно благодаря принципиальной функциональности не поддается прямому дискурсивному определению.
- (10) Дается в переводе (глава из книги «Prospecting: From Reader Response to Literary Anthropology» (Baltimore; London, 1989)) по изд.: Изер В. К антропологии художественной литературы // Новое литературное обозрение. 2008. № 94. Режим доступа: http://www.polit.ru/article/2009/02/27/izer/#_edn14.
- (11) Места неопределенности в разных слоях — звучание, образы, смыслы etc. — интенционально постигаемого литературного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Кругликов В.А.* Рецептивная эстетика // Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд. М.: Мысль, 2010. Режим доступа: <https://iphlib.ru/greystone3/library/collection/newphilenc/document/HASHd77bc0dc81b43e6e90ced7>.
- [2] *Вдовина И.С.* Феноменолого-герменевтическая методология анализа произведений искусства // Феноменология искусства. М.: ИФ РАН, 1996. С. 139—159.
- [3] *Гумбрехт Х.-У.* От Эдиповой герменевтики — к философии присутствия // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. С. 34—43. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/gu3.html>.
- [4] Tagungsbericht: Die Forschungsgruppe „Poetik und Hermeneutik“. Erschließen — Historisieren — Aufgreifen. Ein Arbeitsgespräch, 29.11.2008 — 30.11.2008. Konstanz/Kreuzlingen CH, in: H-Soz-Kult, 16.04.2009. Available from: <http://www.hsozkult.de/conferencereport/id/tagungsberichte-2576>.
- [5] *Iser W.* Der Akt des Lesens: Theorie ästhetischer Wirkung. 4. Aufl. München: Fink, 1994.
- [6] *Изер В.* Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория. Антология. М.: Флинта; Наука, 2004. С. 201—225.
- [7] *Iser W.* Prospecting: From Reader Response to Literary Anthropology. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989.
- [8] *Schlaeger J. editor.* The Anthropological Turn in Literary Studies. Yearbook of Research in English and American Literature (REAL). Vol. 12. Tübingen, 1996.
- [9] *Вульф К.* Антропология: История, культура, философия. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.
- [10] *Николози Р.* Антропологический поворот в литературоведении: примечания из немецкого контекста // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. С. 80—84. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/113/ni16.html>.
- [11] *Гюнтер Х.* Андрей Платонов sub specie anthropologiae // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. С. 88—93. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/1751>.
- [12] *Дубин Б.В.* Очерки по социологии культуры: Избранное. М.: Новое литературное обозрение. 2017.
- [13] *Иванов В.* Антропологический поворот: регуманизация гуманитариев? XIX Банные чтения // Новое литературное обозрение. 2011. № 111. С. 413—428. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/1037>.
- [14] *Гумбрехт Х.-У.* Литературная антропология vs невозможность понятия человечности // Конференция «XIX Банные чтения»; Апрель 1—2, 2011; Москва. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/1314>.
- [15] *Iser W.* Fictionalizing: The Anthropological Dimension of Literary Fictions // New Literary History. 1990. Vol. 21. № 4. P. 939—955.

THE SPECIFICS OF THE PROBLEM OF SUBJECT IN RECEPTIVE AESTHETICS AND LITERARY ANTHROPOLOGY OF W. ISER

M.V. Morozova

National Research University Higher School of Economics
101000, Russia, Moscow, 20 Myasnitskaya Street

Abstract. The paper attempts to investigate literary anthropology of W. Iser, created by him on the basis of receptive aesthetics. It is included a perspective of the historical and theoretical formation of Iser's theory, as well as an actual point of view, related to the "anthropological turn" of humanities. There is an intention to demonstrate the philosophical value of Iser's conception. It is emphasized the problem of subjective experience, the key features of which can be revealed through the study of the process of reading fiction. Iser defines his approach to the study of literature as functional, considering fiction as a medium in communication between text, reality and the reader. The focus of attention is on the transformations of subjectivity, involved through imagination in reading. Human presence, linked with a transcendental position, becomes apparent in the process of reading; however, it turns out to be connected with the essential uncertainty, the constant variability of subjective attitudes. Literature is explored as a medium of such an anthropological feature as human's own inaccessibility for her/himself.

Key words: receptive aesthetics, literary anthropology, fiction, imagination, human being

REFERENCES

- [1] Kruglikov VA. Receptive aesthetics // Internet-versiya izdaniya: Novaya filosofskaya entsiklopediya. 2nd ed. Moscow: Mysl'; 2010. Available from: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASHd77bc0dc81b43e6e90ced7> (In Russ).
- [2] Vdovina IS. Phenomenological and hermeneutical methodology of the analysis of works of art. In: *Phenomenology of art*. Moscow: IF RAN; 1996. p. 139—159. (In Russ).
- [3] Gumbrecht HU. From Oedipal hermeneutics to philosophy of presence. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2005; 75(5): 34—43. (In Russ).
- [4] Tagungsbericht: Die Forschungsgruppe „Poetik und Hermeneutik“. Erschließen — Historisieren — Aufgreifen. Ein Arbeitsgespräch, 29.11.2008 — 30.11.2008. Konstanz/Kreuzlingen CH, in: H-Soz-Kult, 16.04.2009. Available from: <http://www.hsozkult.de/conferencereport/id/tagungsberichte-2576>.
- [5] Iser W. *Der Akt des Lesens: Theorie ästhetischer Wirkung*. 4. Aufl. München: Fink; 1994.
- [6] Iser W. The Reading Process: A Phenomenological Approach. In: *Sovremennaya literaturnaya teoriya*. Antologiya. Moscow: Flinta; Nauka; 2004. p. 201—225.
- [7] Iser W. *Prospecting: From Reader Response to Literary Anthropology*. Baltimore: Johns Hopkins University Press; 1989.
- [8] Schlaeger J. editor. *The Anthropological Turn in Literary Studies*. Yearbook of Research in English and American Literature (REAL). Vol. 12. Tübingen; 1996.
- [9] Wulf C. *Anthropology: History, Culture, Philosophy*. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU; 2008. (In Russ).
- [10] Nicolosi R. the Anthropological turn in literary studies: notes from the German context. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2012; 113(1): 80—84. Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/113/ni16.html> (In Russ).
- [11] Günther H. Andrei Platonov sub specie anthropologiae. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2012; 113(1): 88—93. Available from: <http://www.nlobooks.ru/node/1751> (In Russ).

- [12] Dubin BV. Ocherki po sotsiologii kul'tury: Izbrannoe. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2017. (In Russ).
- [13] Ivanov V. Anthropological turn: rehumanization of humanitarians? XIX Bannye chteniya. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2011; 111(5): 413—428. Available from: <http://www.nlobooks.ru/node/1037> (In Russ).
- [14] Gumbrecht HU. Literaturnaya antropologiya vs nevozmozhnost' ponyatiya chelovechnosti // Conference "XIX Bannye chteniya"; 2011 April 1—2; Moscow. Available from: <http://www.nlobooks.ru/node/1314> (In Russ).
- [15] Iser W. Fictionalizing: The Anthropological Dimension of Literary Fictions. *New Literary History*. 1990; 21(4): 939—955.

Для цитирования:

Морозова М.В. Специфика проблемы субъекта в рецептивной эстетике и литературной антропологии В. Изера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2018. Т. 22. № 1. С. 107—115. doi: 10.22363/2313-2302-2018-22-1-107-115.

For citation:

Morozova M.V. The Specifics of the Problem of Subject in Receptive Aesthetics and Literary Anthropology of W. Iser. *RUDN Journal of Philosophy*. 2018; 22(1): 107—115. doi: 10.22363/2313-2302-2018-22-1-107-115.

Сведения об авторе:

Морозова Марта Владимировна — аспирант Школы философии НИУ ВШЭ (e-mail: seraffina7@gmail.com).